

ВСТАВАЙ... И ГОВОРИ. ТОЛЬКО ГРОМКО!

15 лет назад реакционная военщина во главе с генералом Пиночетом свергла законное правительство Сальвадора Альенде и установила в Чили режим жестокой диктатуры. Облавы, повальные обыски и аресты, убийства активистов оппозиции стали в этой стране обыденным явлением. Хунта всячески стремилась убить в зародыше свободную мысль. Но народ Чили не стал на колени. В ходе плебисцита 5 октября он высказал решительное «Нет!» Пиночету. В рядах тех, кто открыто требует сегодня ухода диктатора, демократического обновления страны, — представители чилийской творческой интеллигенции. Это — мужество. Это — высокая гражданственность. Это — и традиция, уходящая корнями в прошлое. Передовое чилийское искусство всегда шло в авангарде революционной борьбы народа.

Задним числом листаю газеты Сантьяго. Вот голоса с театральными анонсами. В числе спектаклей текущего репертуара внимание привлекают четыре постановки: «Страстное терпение» Антонио Скарметы в театре «Эль Гальпон де Лос Леонес»; «Известно всем» Карлоса Серды — спектакль театра «Ла комедия»; спектакль по пьесе Луиса Ривано «Мясники» в театре «Монедра»; наконец, драма «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» Пабло Неруды в театре «Алехандро Флорес».

Почти 16 театров ежедневно раскрывают свои двери в Сантьяго. Я упомянул о репертуаре только четырех. Названные пьесы принадлежат перу чилийских авторов, которые сами непосредственно участвовали в народной борьбе. «Звезду и смерть Хоакина Мурьеты» хорошо знают в СССР. О других же спектаклях я расскажу чуть позже.

Еще раз взглядываю в газетные страницы. В театральных анонсах вижу и старые комедии, классические мюзиклы, различные ревю. А еще — «Смерть коммивояжера» Артура Миллера, «Герма» Федерико Гарсиа Лорки. К великому сожалению Пиночета, нет ни одного спектакля, который он мог бы выставить как пример своей театральной политики: актеры, музыканты, танцовщики, клоуны, рабочие сцены, драматурги — все театральные деятели решительно отвернулись от того оголтелого

шовинизма, что до сих пор пытаются насадить в театре «идеологи» режима.

Теперь несколько слов о спектаклях, которые я упомянул в начале своего рассказа.

Первый, «Страстное терпение», — рассказ о жизни Пабло Неруды в последние четыре года перед смертью. Повествуя о насыщенной творческой и общественно-политической деятельности великого поэта Чили, спектакль ничего не утаивает от зрителя. И уже тем более того, как радовались смерти Неруды те, кто расстрелял Альенде.

Спектакль «Мясники» повествует о нелегкой доле чилийской бедноты. Автор пьесы, Луис Ривано, талантливый самоучка, стал подлинным открытием в современной чилийской драматургии.

Третья постановка, «Известно всем», — это взволнованный рассказ о тех, кто исчез в застенках диктатуры. О замученных, похищенных, пропавших без вести. В центре повествования — университетский профессор, ведущий расследование преступлений пиночетовских наррателей.

Вот такой коллективный вызов диктаторскому режиму с подмостков сцены — иначе дух спектаклей оценить трудно. Быть может, избрав такую необычную форму протеста, чилийский театр отдал дань памяти Луису Эмилио Рекабаррену, основателю Коммунистической партии Чили, организатору чилийского рабочего движения, создателю чилийской рабочей печати и рабочего театра. Ведь как-никак тот день, когда вышли просмотренные мною газеты, был днем его рождения...

Луис Эмилио Рекабаррен последние 20 лет своей жизни создавал театральные труппы и сам писал для них пьесы.

Бывший чилийский сенатор-коммунист Сальвадор Окампо, умерший недавно на чужбине в Мексике, рассказывал, как Рекабаррен привлек его к революционной деятельности. Окампо, в молодости работавший на рудниках, был еще подростком, когда они познакомились:

«Он ходил все время с деревянной табуреткой, под мышкой — какие-то рукописи и дневники. Табуретку услужливо носил ему я. Мы обычно располагались на углу какой-нибудь улицы в Икике или Антофагасте. Он мне при-

казывал: «Вставай на стул и говори, только громко!» Когда он мне отдал такой приказ в первый раз, я совершенно не знал, о чем говорить. Он злился: «Хоть о чем-нибудь ты можешь рассказать? Человек ты или нет?» — «Могу... о футболе». — «Прекрасно, говори о футболе. Но когда соберется народ, тотчас умолкай и спрыгивай со стула. Тебя заменю я». Так мы и поступали всякий раз. Позже, став уже опытным оратором, я заодно обучился у него типографскому делу и набирал тексты листовок под его диктовку».

Элиас Лаферте Гавиньо, тоже рабочий с рудников, познакомился с Рекабарреном в 1911 году. Тот привлек его к участию в театральной труппе, разглядев в нем «статность, прекрасный голос, актерский талант». Через 15 лет после смерти Рекабаррена Лаферте сменил его в качестве руководителя Компартии и рабочего движения...

За период между 1900 и 1924 годами Рекабаррен основал около 30 рабочих газет в Икике и других городах Чили. Чтобы вовлечь рабочих в революционную борьбу за свое социальное освобождение, нужно прежде всего избавить их от апатии, меланхолии, равнодушия. Ключ к избавлению — творчество; театр, импровизированные митинги, концерты — все, что угодно, но только творчество. Когда Лаферте познакомился с Рекабарреном, тот уже успел сформировать юношеский ансамбль «Искусство и Свобода», театральный кружок «Искусство и Революция», рабочий оркестр и хор «Иерминаль». Рекабаррену было тогда 35. Лаферте столько же. В 1902 году они вместе основали в Сантьяго театр «Атенео Оберро».

Как они занимались творчеством? Арендвали какое-нибудь ветхое помещение, как правило, рядом с редакцией рабочей газеты, приносили пару рефлекторов, чтобы не замерзнуть, и начиналась работа. Здесь собирались актеры, чтеды, декламаторы, артисты хора. Всю неделю — репетиции по сценарию, написанному Рекабарреном. А по субботам — выступления, на которые приходили рабочие со своими семьями.

...В июне 1918 года из Аргентины возвращается на родину Рекабаррен. Через 3 года рабочие вновь избирают его депутатом парламента, из которого 15 лет назад он был изгнан

как «опасный агитатор». Во время парламентской церемонии вступления в депутатскую должность Рекабаррен отказывается присягать на Библию. Он атестит. Депутаты-реакционеры выкрикивают оскорбительные фразы: «Ты — антипагриот!» Рекабаррен непреклонен: «Я — интернационалист!» Чей-то крик: «Тогда спой «Интернационал!»».

Рекабаррен выдерживает паузу и мощным чистым голосом поет гимн пролетариата. Огромный зал Национального конгресса в восхищении замирает и, едва смолкает голос Рекабаррена, неистово аплодирует. Рекабаррен действительно хорошо пел: со страстью, искренностью, натиском!

...В 1919 году реакционеры устроили погром в помещении труппы «Искусство и Революция». Но она возродилась очень скоро. В другом месте, с другим репертуаром, под другой вывеской: так в Чили рождается театр «Свободная Россия». В декабре 1921 года труппа «Свободная Россия» дает в северном Икике спектакль «Закон сердца». Вырученные от продажи билетов средства пойдут на оплату проезда делегатов съезда Социалистической рабочей партии Чили, который должен состояться в Ранкагуа, что на юге. Примерно в эти же дни ансамбль «Искусство и Свобода» показывает пьесу «Цена не стоит любви» и на вырученные деньги оплачивает обратный проезд делегатам съезда.

Напомню: время — декабрь 1921 года. А менее чем через месяц, 2 января 1922 года, на съезде в Ранкагуа будет объявлено о создании Коммунистической партии Чили. Рабочие северного Икике знали об этом.

В 1922 году Луис Эмилио Рекабаррен посетил Советскую Россию. По возвращении в Чили он объездил страну с севера на юг, произнес свою знаменитую серию речей о «рабочекрестьянской России». В то же время Рекабаррен создает новый ансамбль — «Красное слово»: коллектив начинает выступать в помещениях компартии...

24 декабря 1924 года исполнилась 20-я годовщина кровавой расправы над рабочими в гимназии «Санта-Мария» в Икике. Ансамбль «Красное слово» посвящает в этот день свое выступление памяти жертв расстрела. А также «памяти товарища Луиса Эмилио Река-

баррена, скончавшегося несколько дней назад в Сантьяго»...

В годы правительства Народного единства рабочий театр достиг своего наивысшего подъема, ибо Народное единство было самым большим завоеванием чилийского рабочего движения за всю его историю. Худшие времена для чилийского рабочего театра начались после фашистского путча...

Театральные залы оккупировала армия. Театры, объявленные «революционными», тотчас закрывались. Сколько замученных в застенках режима артистов, сколько отправленных в ссылку, изгнанных из страны! Целые коллективы хунта «исрещала» из театральных залов в концлагеря. Но, оказавшись в неволе, чилийские артисты продолжали борьбу вместе с другими заключенными. Голос народа звучал все громче и громче.

И свободный театр возродился. Вначале то были совсем маленькие семейные труппы: спектакли разыгрывались в узком кругу. Потом «новый чилийский театр» смело вышел на улицы. Постепенно в театральной афише появились спектакли, ставившие под сомнение действующий в стране общественный порядок. И здесь нужно было пройти сквозь тернии. Однажды, в самый разгар комендантского часа, когда один только военный патруль беспрепятственно бродит по улицам, чьи-то злые руки подожгли помещение, где нелегально шел спектакль об убийстве Сальвадора Альенде и востешествии на престол тирана...

Но никто и ничто не в состоянии заставить замолчать голос свободы. С открытым лицом не таясь, чилийские артисты в колоннах демонстрантов выходят сегодня на улицы, требуя демократии для Чили. Театры разрабатывают новый репертуар, достойный трудящихся. А зритель смело покупает билеты на самые «крамольные» спектакли.

...Чилийский театр возвращается к жизни руками, разумом, сердцем детей и внуков тех, кто играл в рабочих труппах Рекабаррена. Детей и внуков тех, кто горячо аплодировал тогда артистам, сидя в первых рядах.

Чилийский театр возвращается к жизни благодаря самому рабочему движению, которое не сломлено и продолжает неравную борьбу

Роландо КАРРАСКО,
чилийский публицист.